

Ярославль глазами маркиза

Путевые впечатления Астольфа де Кюстина.

Астольф де Кюстин.

В поисках «настоящей России»

До визита в Россию Астольф де Кюстин уже снискал внимание любознательной европейской публики, опубликовав заметки о своих путешествиях по Швейцарии, Англии, Шотландии, Италии и Испании. Однако Россия в этом ряду была, пожалуй, самой экзотической страной. Николай I, принимая у себя Кюстина, недаром осыпал его милостями: по замыслу русского самодержца, знатный аристократ и убежденный монархист Кюстин должен был в выгодном свете представить Россию зарубежному читателю. Вместе со своим сыном, будущим Александром II, царь даже лично провел для француза несколько экскурсий по Петербургу. Дальнейший путь маркиза пролегал по российской глубинке: за 3 летних месяца Астольф де Кюстин посетил Москву, Владимир, Ярославль и Нижний Новгород, проехал десятки уездных городков и деревень, собрав немало материала для будущей книги. Император ждал хвалебных од, но когда путевые заметки Кюстина наконец были изданы, Николай I, прочитав их на одном дыхании, в ярости швырнул книгу на пол и запретил публиковать в России... Лишь «безопасные» отрывки и контрабандные экземпляры европейского издания проникали сквозь «чугунный занавес» цензуры. Полный вариант сочинения Кюстина пришел к русскому читателю лишь спустя полтора века!

Избитые дороги провинции, о которых не без злорадства предупреждали Кюстина многочисленные жители, грязные трактеры и матрацы, набитые сеном, унылые пейзажи «последней степени плоскости и обнаженности» наверняка не раз навевали путешественнику мысль повернуть коней и вновь вкушать гостеприимство императора. «К прибытию в Ярославль ни одна часть моей коляски не осталась в целости»,

Записки путешественников, что в наши дни чаще называют «трэвел-блогами», – изобретение не новое. В XIX веке одним из самых известных «блогеров» оказался не кто-нибудь, а маркиз Астольф де Кюстин, вознамерившийся дать беспристрастную и всеобъемлющую характеристику Российской империи в эпоху Николая I. В книге «Россия в 1839 году» он посвящает Ярославлю главу, представляя его как город контрастов, откуда рукой подать и до европейских столиц, и до темного Средневековья.

– сетовал маркиз, описывая странную привычку провинциалов проводить ремонтные работы лишь к приезду высочайших особ.

Впрочем, странностей в русской глубинке обнаруживалось немало. Любопытный француз буквально через строку спешит поделиться с европейскими читателями местной экзотикой: «Крестьяне носят нечто вроде башмаков, грубо сплетенных из тростника, издали обувь эта отчасти походит на античные сандалии»; «Русские издают неприятный запах, который ощущается даже издали»; «Голые люди моют с мылом других голых, лежащих на раскаленных полках»... Проезжая по Ярославской губернии, он восхищается лицами стариков, похожими на иконописные лики, вслушивается в «гнусавое исполнение невнятно-жалобной мелодии бурлацкой песни» и спешит в Ярославль, где, по собственному признанию, надеялся найти «настоящих русских».

Особенности национального характера

Ярославль, именуемый Кюстином «национальной столицей водных сообщений», встречал путника цветными и золочеными главами церквей, которых здесь «немногим меньше, чем домов». Ругая однообразие русской архитектуры и «смешные претензии народа-высочки», Кюстин признает, что Ярославль не менее живописен, чем Москва. «Впрочем, – пишет он, – город, несмотря на свое торговое значение, настолько плосок, настолько правильно расчерчен, что кажется вымершим; в нем пусто, печально и тихо». Оставим это утверждение на совести француза, сыплющего за-

бавными замечаниями о «северном ветре, который царит здесь всевластно и разрушительно» и о ярославском климате: «три месяца в году буйно метет пыль, а остальное время снег». Что же касается облика центральных городских кварталов, тех самых, что вошли сегодня в список ЮНЕСКО, то здесь иностранец не без снобизма замечает: «Внутреннее устройство русских жилищ весьма разумно; внешний же их вид, а равно общий план городов разумности лишены».

В чем-то Кюстин, конечно, попадает в точку. Не без основания он высмеивает стремление во всем подражать столице: «Разве не выситя в Ярославле колонна наподобие петербургской, а напротив нее – несколько зданий с аркой внизу, подражающих Генеральному штабу в столице?».

Ни живописные берега, ни ярославские «присутственные места» не интересуют мрачного Кюстина. Центральное место в ярославской главе отводится размышлениям о русском характере. «Самое обыкновенное состояние духа в этой стране – печаль, скрытая под иронией. Простонародье топит свою тоску в молчаливом пьянстве, а знать – в пьянстве шумливом». «Здесь вечно кого-то или чего-то опасаются, – говорит маркиз. – Суровый климат, принуждающий человека к постоянной борьбе, непреклонное правительство и привычка к шпионству делают характер людей желчным, недоверчиво-самолюбивым». Зато в отношении своих внешних данных ярославцы удостоились комплиментов, представляя чистейший образец «русского типа красоты». «В народе этом, во всех его классах, царит некая врожденная грация, природная утонченность, – пи-

Губернаторский дом в Ярославле.

Губернатор Константин Полторацкий.

шет Кюстин. – Повторяю уже в который раз: русские женщины чрезвычайно красивы».

Ярославский бомонд

Развлекательной и экскурсионной программой для гостя из Европы занимался сам губернатор – светский лев и хлебосольный хозяин Константин Полторацкий. На прием в губернаторский дворец Астольфа де Кюстина сопровождал сын главы губернии. Кюстин вспоминает: «Со всем еще мальчик в роскошном мундире приехал за мною в купе, запряженном четверкою лошадей». Подобная официальность вызвала тревогу путешественника, искавшего, по-видимому, «сермяжной Руси» и модной ныне аутентичности. «Это не чистокровные москвиты, не настоящие бояре», – предчувствуя разочарование, писал Кюстин. Впрочем, аристократичные манеры и светский прием в семье ярославского губернатора заставили его забыть о сожалениях. «Я мог вообразить, что нахожусь в Лондоне или в Петербурге», – с восхищением признавался гость. Супруга губернатора говорила только по-французски и, к удивлению маркиза, воспитывалась в детстве подругой его собственной бабушки! Кроме того, в затерянном между двух столиц Ярославле, оказывается, прекрасно знали книги Кюстина и не скупилась на

похвалы в адрес автора. Стоит ли удивляться, что атмосфера визита оказалась самой дружеской и непринужденной. Все члены губернаторского семейства наперебой приглашали Кюстина посетить их дома, брат губернаторши играл для гостя на виолончели, а зять губернатора провел его по Спасо-Преображенскому монастырю. «Обитель эта представляет собою приземистую крепость, заключающую внутри себя несколько церквей и мелких зданий во всяком вкусе, кроме хорошего», – с привычной язвительностью пишет Кюстин. Однако более всего гостя удивила истовая набожность спутника – светского человека, аристократа, еще недавно сыпавшего французскими остротами, а теперь падавшего ниц перед алтарями и многократно целующего иконы и реликвии.

Рассуждения о загадочной русской душе ничуть не отрывали нашего француза от роскошных обедов, а губернатор Полторацкий знал в них толк! Кюстин со вкусом пишет о «завтраке, переходящем в обед, – как принято на Севере», забавном слове «закуска», икре, стерляди и арбузах, но абсолютно не стремится разделить любовь русских к рубленому мясу и отвратительному кислому супу.

Приглашая гостя то на чай, то на импровизированный концерт, Полторацкие очаровали маркиза своим радушием. В письме из Ярославля саркастичный путешественник признается, что «в провинции русская знать любезнее, чем при дворе», сопровождая ярославские впечатления дерзкими замечаниями о положении русской аристократии. Под утро Кюстин уедет в Нижний, не подозревая, конечно, что принимавшая его ярославская семья так и не прочтет его книги.

Мария АЛЕКСАНДРОВА

Ильинская площадь.